

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Т.А. Шрадер

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ ШВЕДСКИХ КОЛОНИСТОВ В РОССИИ (XIX в.)

Интенсивная политика освоения южных просторов Украины берет начало в царствование Екатерины II. Пустующие земли южной части России заселялись переселенцами из самой России, Германии, Греции и других стран, в основной своей части это были крестьяне-колонисты. Из иноверцев наиболее многочисленными были немецкие крестьяне, о которых в российской и зарубежной историографии имеется большое число публикаций.

Среди иноземных жителей на Юге была и немногочисленная группа шведов, которая располагалась на берегу Днепра, недалеко от Херсона. История жизни шведских колонистов, переселившихся в 1781 г. с острова Дагё у северо-западного побережья Эстонии, была отражена в ряде научных публикаций шведских историков. В 1920-е и 1930-е гг., в послевоенный период в Швеции и Эстонии был опубликован ряд работ о шведах на Украине. В 1958 г. шведские ученые А. Лойт и Н. Тибберг опубликовали документы, находившиеся в Швеции после репатриации шведских колонистов, — Церковную книгу, вывезенную из шведской колонии в 1929 г.¹ В 1997 г. была напечатана библиография книг и статей о шведской колонии на Днепре, подготовленная С. Аппельгреном. В конце XX столетия шведские ученые опубликовали солидные монографии о судьбах шведов-колонистов. Среди них следует отметить следующие:

1) книга Ингеборг Лингегорд (Ingeborg Lingegård)² посвящена повседневной жизни шведов на Днепре, сохранению их самобытной культуры как в былые времена, так и на о. Готланд, где живут в настоящее время потомки шведов-переселенцев;

2) Сигфрид Хоас и Густав Котц (Sigfrid Hoas, Gustav Kots)³ написали о судьбах шведов с 1929 по 1989 г., об их жизни после переезда в 1929 г. из колонии на Днепре в Швецию;

3) Ёрген Хедман (Jörgen Hedman)⁴ представил подробнейшее описание родов шведских колонистов начиная со времени их проживания на острове Дагё, используя материалы шведских государственных архивов в Швеции (Стокгольма, Лунда, Упсала), а также Эстонии и Германии;

4) Ёрген Хедман и Ларс Оландер (J. Hedman, L. Åhlander)⁵ опубликовали монографию о судьбах шведов в России с момента их поселения в Эстонии до настоящего времени. В работе использованы богатейшие источники, как литературные, так и архивные, и авторы уделили значительное внимание сведениям, полученным от информантов-шведов.

Все упомянутые работы снабжены богатейшим иллюстративным материалом. Но представленные выше публикации составляют лишь небольшую часть вышедшей по этому вопросу литературы.

С российской стороны в XIX в. шведы-колонисты упоминаются практически во всех статистических справочниках по Херсонской губернии. Так, в издании 1863 г. наряду с описанием географии и статистики, составленным офицерами Генерального штаба России, среди населенных пунктов губернии упоминается Старошведская деревня, сообщается число жителей-шведов, дается краткая история их поселения⁶.

В опубликованной в 1863 г. книге российского беллетриста и этнографа Александра Степановича Афанасьева-Чужбинского «Поездка в Южную Россию» в первой ее части «Очерки Днепра»⁷ представлен небольшой, но очень интересный раздел, посвященный шведским колонистам.

В 1899 г. в журнале «Русский Вестник» была опубликована статья Г.П. Писаревского о переселении шведов с о-ва Дагё в Новороссийский край, ограниченная периодом первых лет их проживания⁸.

Что же касается советского периода, то число опубликованных работ о шведских колонистах невелико. Необходимо упомянуть статью шведско-го учёного А. Лойта «Переселение шведов из Эстонии на Украину в конце XVIII в.»⁹. Сведения об этой колонии представлены в кратком справочнике З.С. Орловой и И.Д. Ратнер¹⁰, в книге «История городов и сёл Украинской ССР. Херсонская область»¹¹, краткие сведения о колонистах даны в публикациях Т.А. Шрадер¹². Но перечень публикаций, касающихся данной темы, вероятно, неполный.

В последние годы российские историки начали вводить в научный оборот данные о шведах в Украине. В Днепрпетровске, Одессе, Херсоне, а

также в Санкт-Петербурге хранятся сведения о шведах с первых лет их пребывания на Днестре до середины XX в., включая период Великой Отечественной войны и последующие годы.

Необходимо отметить, что в начале 2000-х гг. было издано несколько томов Аннотированных описей Государственного архива Одесской области за разные годы¹³, в которых отражены многочисленные дела, касающиеся немецких колонистов Южного края России, но среди этих дел встречаются материалы и о шведских колонистах, отражающие различные эпизоды жизни жителей Шведского округа Херсонской губернии. К примеру, указаны следующие дела: «Об общественных плантациях и колонистских фруктовых и виноградных садах, шведских в том числе» (1837 г.), «О присланных в Шведский округ 10 казаках для преследования бродяг и преступников», рапорт смотрителя Горбатенко в Попечительский комитет о присланных казаках¹⁴, «О выдаче яровых семян шведской колонии по отношению Главного судьи Контениуса» (1806 г.) и др.

В Российском Государственном историческом архиве (далее — РГИА) в Санкт-Петербурге сосредоточены документы всех государственных учреждений. В фондах Министерства государственных имуществ, Министерства Внутренних дел, Департамента духовных дел для иностранных исповеданий и др. хранятся дела, касающиеся шведских колонистов в Украине. Чиновники Попечительного комитета об иностранных поселенцах Южного края России направляли сведения об иноверцах-колонистах, в том числе и о малочисленной группе шведов. Дела носили разнообразный характер: например, «Рапорт надворного советника Контениуса о обозрении Шведских и Данцигских колонистов в Новороссийской губернии, населенных с описанием хозяйственного их состояния» (1798–1800 гг.)¹⁵, «Отчет Новороссийской опекунской конторы о лесных материалах, употреблённых с 2 сентября 1804 по февраль 1807»¹⁶, «Табель церковно-приходских школ в шведских колониях»¹⁷, «Разработанная в Министерстве Государственных имуществ ведомость постройки поселка со сведениями о шведских колониях на территории» (1870 г.)¹⁸, «Прошение на имя министра Внутренних дел от Общества поселян села Старошведского, Старошведской волости, Херсонской губернии и уезда» (1915 г.)¹⁹, «Дело Главного комитета об устройстве сельского состояния по проектам положения об устройстве иностранных поселян (колонистов)» (1870–1878 гг.)²⁰ и др.

Как было сказано выше, шведские историки в своих работах предоставляли обширные сведения о судьбах шведских колонистов, основанные на данных архивов Швеции и других стран. Российские же источники ими не

были использованы. Автор данной статьи не считает возможным пересказывать работы шведских коллег, а вводит в оборот те российские материалы, которые ей удалось за последнее время проработать. Хотелось бы отметить ряд фактов, касающихся причин переселения жителей о-ва Дагё на берега Днепра.

На протяжении многих столетий острова у северо-западных берегов Эстонии были заселены шведами, которые переселились в этот район, вероятно, в период 1100–1350 гг. Шведы проживали на островах Воромсё (Ormsö), Дагё (Dagö), Нюкё (Nuckö), Оденсхольм (Odensholm), Стура и Лилла Рогё (Stora och Lilla Rågö), Наргё (Nargö), Рунё (Runö), а также на побережье Эстонии между Рогенвикен (Rågerviken) и городом Хапсал (Hapsal). Ученые предполагают, что поселенцами были шведские крестьяне, в свое время переселившиеся из Швеции в южные и западные районы Финляндии. Это находит свое подтверждение при сравнении диалектов, национальных костюмов и деревянных рунических календарей, о которых пойдет речь ниже.

В эти годы немецко-датские представители в Эстонии, ганзейские купцы, епископы в Курляндии, Ревеле и Риге, руководство Немецкого ордена, в чьих владениях в этот период находилась Прибалтика, были заинтересованы в том, чтобы вдоль главных морских путей Балтики проживало лояльно настроенное население христианской веры, каким, вероятно, были шведы-переселенцы. В обязанности эстонских шведов в те далекие времена входило лоцманское проведение судов и оказание помощи при крушении кораблей.

Что же касается острова Дагё, то в XIII в. он был поделен между Немецким орденом и Епископством Залива. В XIV в. остров активно заселялся шведами, и первое упоминание о шведах на Дагё относится к 1470 г., когда, согласно документу этого года, руководство Немецкого ордена освобождало «на века» шведских крестьян от всех видов работ на владельцев усадеб, но взамен они должны были ежегодно выплачивать 20 старых «рижских марок» (Rigiska mark) с каждого района, обложенного налогом²¹.

По всей вероятности, шведы на Дагё прибыли с севера, из провинции Нюланд (Nyland), что можно подтвердить следующими фактами.

1. Схожесть диалектов жителей островов Дагё, Вормсё и Нюкё с диалектом восточной части провинции Нюланд. Этот факт находит подтверждение у ряда шведских лингвистов. В работе финского профессора Анне-Марие Иварс «О чём говорят диалекты об истории поселений?» приведены карты, на которых представлено распространение ряда диалектальных слов в Швеции, на западном и южном побережьях Финляндии и северо-западном регионе Эстонии, включая упомянутые острова²².

2. Схожесть элементов национальных костюмов упомянутых регионов, что отмечено шведскими специалистами.

3. Использование рунических календарей шведами на эстонских островах. В монографии Ё. Хедмана и Л. Оландера приведены две фотографии календарей. Один был изготовлен на Дагё в 1766 г. и привезен в 1781–1782 гг. на Украину. На этом календаре в средней части вырезаны рунами дни недели, в верхней части обозначены церковные праздники, в нижней части — «золотые числа», которые начиная с IX столетия использовались для обозначения лунного вращения и определения даты Пасхи. Другой деревянный календарь в 1829 г. вырезан жителем Старошведской деревни Андреасом Кристиансоном Кнутасом, но на этом календаре отсутствуют «золотые числа». На обоих календарях с о-ва Дагё отмечены церковные праздники, идентичные тем, что отмечались в Финляндии с 1400-х гг.²³

В Музее антропологии и этнографии РАН хранятся восемь схожих рунических календарей, которые были описаны шведом из Финляндии пастором Гиппингом в 1839 г.²⁴ Они были переданы в дар Российской академии наук ученым шведом из Финляндии Шёгреном.

Но вернемся к истории шведов на Дагё. В результате военных действий остров в 1563 г. перешел во владение Швеции и входил в состав шведского государства до 1710 г.²⁵ Поскольку шведское королевство практически весь XVII в. находилось в состоянии войны, к тому же климатические условия на Европейском континенте были суровыми, экономическое положение в Швеции ухудшалось. В отличие от эстонских крестьян, которые с 1343 г. были крепостными, шведские крестьяне на территории Эстонии были свободны, занимались рыболовством, земледелием и торговлей добываемой ими известью и смолой, которые доставлялись на построенных ими же судах в Ревель, Пярну, даже в Ригу. С приходом шведской власти шведские и немецкие феодалы в Эстонии не считались с данными ранее шведским крестьянам привилегиями, заставляя их работать на своих угодьях. Особенно сложные отношения сложились у крестьян на Дагё с графом Яковом де ла Гарди, который с 1620 г. арендовал этот остров, а в 1624 г. шведский король Густав II Адольф продал ему его. Владелец Дагё установил чрезвычайно высокие налоги и требовал от шведов повинности на его полях. Шведские крестьяне в ответ требовали признать их старые права на свободу, но тот отвечал, что при покупке острова этот факт не был предусмотрен в договоре. Далее наследник Якова, его сын Магнус, запретил шведам самим торговать известью и смолой, а только через его посредников. Шведы начали всерьез бороться за свои права, направляя представителей в Стокгольм, но борьба

была неравной, прежние привилегии продолжали игнорировать. Во времена Северной войны шведские крестьяне призывались на военную службу. Шведы преимущественно служили на военных кораблях, затем, когда остров после войны отошел к России, на эстонских островах строились российские военные суда с их участием. Помимо военных трудностей в прибалтийских провинциях свирепствовала чума, которая унесла жизни многих сотен жителей, в том числе шведских крестьян²⁶.

На протяжении всего XVIII в., во времена вхождения острова в шведское королевство и позднее в Российскую империю, шведские крестьяне боролись за право быть свободными. Но владельцы крупных поместий, в том числе внучка графа Де ла Гарди Эбба Маргарита Де ла Гарди-Стенбок, не считались с их требованиями и обращались как с крепостными, наравне с эстонскими крестьянами. В 1779 г. шведские крестьяне прибегли к помощи немецкого адвоката, который представлял их интересы в Ревеле и Санкт-Петербурге. В результате разбирательства дела шведы получили свободу, но должны были покинуть свои села, на что они не соглашались. Положение шведских крестьян складывалось не лучшим образом, особенно при переходе земель во владение лифляндского помещика барона фон Унгерн-Стернберга²⁷. Ситуация на Дагё дошла до царского двора в Санкт-Петербурге. Императрица Екатерина II указом 1781 г. распорядилась переселить проживавших на мызе Хокенгольм на Дагё шведских крестьян в Новороссийский край (позднее — Екаринославскую губернию). Дело в том, что после войны с Турцией в 1774 г. князю Потемкину было поручено заселить пустующие причерноморские просторы, отошедшие к России. Как было сказано выше, в южные земли переселялись представители различных национальностей, в том числе и группа шведских крестьян.

Борьба шведских крестьян за сохранение личной свободы обусловила то, что они поверили обещаниям российским властям и выбрали долгий путь на Днепр, на казенные земли. Курировал переселение князь Потемкин, руководил этим процессом полковник Иван Синельников. В упомянутой выше статье Г. Писаревского автор использовал документы Государственного архива, дела князя Потемкина, рапорты И. Синельникова и губернатора Новороссийской губернии Языкова. Иван Синельников прибыл с указом Екатерины II 9 июля 1781 г. в Ревельскую генерал-губернаторскую канцелярию и потребовал, чтобы чиновники произвели перепись подлежащих к переселению шведов. В канцелярии сообщили, что крестьяне уже заключили соглашение с бароном Унгерном. 10 июля полковник прибыл на Дагё и предъявил крестьянам «значительные выгоды»:

- 1) каждой семье будет нарезано до 60 десятин;
- 2) предоставлены льготы от всех податей на двор на период в 4 года, после этого как прочие «государственные поселяне» должны платить по 5 денег в год за десятину, не платя подушных денег;
- 3) на постройку домов и первоначальное обзаведение будет выдан казенный лес и денежное пособие в количестве 12 руб. на двор;
- 4) будут обеспечены доставка семян для посева хлеба и казенный провиант в течение года;
- 5) крестьяне будут жить «особой колонией», иметь пастора и церковь.

Получив такие обещания, шведы приняли предложение Синельникова, и с помощью чиновников был составлен список желающих переселиться. Всего в список входило 935 чел. (422 мужчин, 513 женщин). Поскольку 75 шведских крестьян с Дагё на тот момент проживали в Ревеле и отказались покинуть город, нашлись охотники с других мыз. Всего насчитывалось 960 человек.

На 20 августа 1781 г. был назначен переезд. Поскольку было слишком мало времени на распродажу имущества крестьян, местная администрация должна была продать хозяйства и передать деньги в комиссариат для дальнейшего их перевода в Новороссийскую губернию. Бывший владелец усадьбы Стенбок помогал всеми средствами в переправе крестьян по воде, предоставляя паром, лодки и людей. Переселенцы прибыли в город Гапсчаль, а с этого пункта переходом в новороссийскую губернию руководил отставной капитан Макаретов. По распоряжению князя Потемкина Новороссийский губернатор Николай Данилович Языков должен был подготовить прием шведов и исполнить следующее:

- 1) отвести земли по реке Днепр выше города Кизи-Кермена (с 1784 г. — город Берислав) по 60 десятин и «довольную часть лесных мест из ближайших днепровских островов»;
- 2) запахать отведенную землю «за плату казенную», осенью посеять на каждый двор по двенадцати четвериков.

Далее автор статьи пишет, что во время перехода губернатор Языков отвел переселенцам для зимних квартир местечко Решетиловку между Кренчуком и Полевою. Шведы прибыли в Решетиловку 26 ноября. В рапорте от 9 декабря Синельников писал Потемкину, что «переход был им сносен». На зимних квартирах до 24 января среди крестьян умерло 30 человек взрослых (по болезни, по старости) и 56 малолетних (от оспы, которой они заразились, проходя через Белоруссию). Всего ушло из жизни 86 душ, осталось 880. В рапорте Языкова указывалось, что переселенцы довольны провиан-

том, лошадей, которых было 326 единиц, при переходе кормили фуражом. Дома для переселенцев, по распоряжению Потёмкина, должны были быть построены мастерами из Курляндии для удобства жизни переселенцев. В строительстве предполагалось использовать каменные плиты, которых в тех местах было в изобилии. Как было указано в статье, Потемкин нашел для шведов пастора Иоганна-Адольфа Еврепеуса, которому предлагалась ежегодная оплата в 400 руб., также ему отводилось 1 000 десятин, а через 5 лет службы ему предоставлялся (по его желанию) свободный выезд. Пастору была выделена роскошная, по описанию Г. Писаревского, церковная утварь.

Собственно, на этом автор заканчивает рассказ о переселении шведов, о дальнейшей их судьбе он не пишет, упоминая лишь, что в царствование Павла I в 1800 г. шведским крестьянам были присвоены права иностранных колонистов «по совершенному различию новой местности от родины», а при Александре I в 1804 г. созданы 3 шведские колонии, основавшие шведский колонистский округ²⁸. В данном случае автор ошибся, так как в 1804 и 1805 гг. вблизи Старошведской колонии были поселены немецкие колонисты, образовавшие деревни Клостердорф (Klosterdorf), Миюльхаузендорф (Mühlhausendorf) и Шлангендорф (Schlangendorf), и совместно со Старошведской деревней в 1804 г. образовался Шведский округ.

В работах шведских историков даны подробные сведения, касающиеся переселения шведов из Эстонии, и они разнятся с показаниями, представленными в статье Писаревского, который пользовался рапортами российских чиновников. По сути, предписания для шведов выполнены не были, и им пришлось в первое время по прибытии жить в землянках. Но эта статья, пожалуй, единственная в российской историографии описывает процесс переезда шведских крестьян на юг. Переход шведских крестьян на берега Днепра изображен подробно в работах шведских исследователей, в частности, в работе Й. Хёдмана представлен путь их следования (рис. 1)²⁹.

Необходимо отметить, что в Херсонском областном историко-археологическом музее хранится копия плана предполагаемого поселения шведских крестьян с описанием чертежа, составленного сержантом Петром Полозовым. На документе нет шифровых обозначений. План составлен по всем правилам конца XVIII в. с масштабом по плану «дюйм английский употреблен в 50 сажен», дано объяснение к лесу, экспликация. Вероятно, подлинник можно найти в одном из украинских архивов. Разъяснение к плану следующее: «План Кизкерменского уезда, округи Кизикерманской же, вновь развитым в натуре кварталам при балке Корсунской для имеющих прибыть

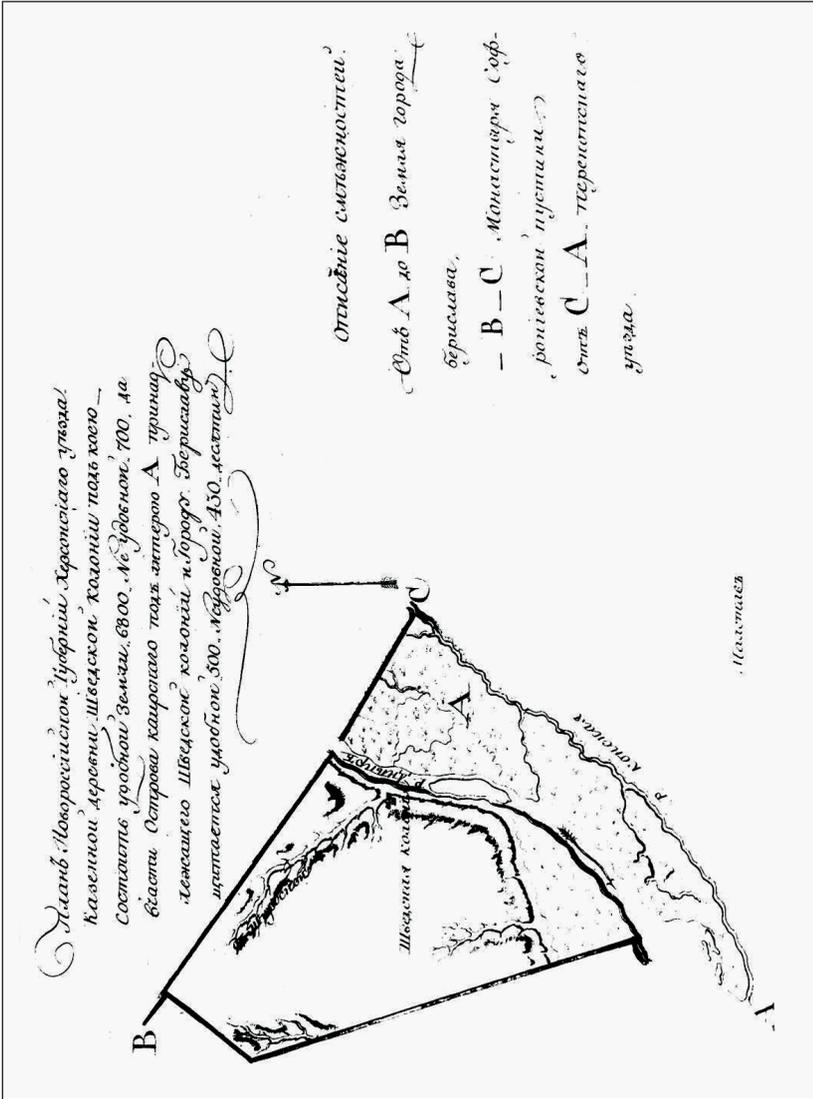

Рис. 1. Переход шведских крестьян на берега Днепра.

сюда из Эстляндлии шведских крестьян на 165 дворов, полагая на каждый двор в длину 25, в ширину 16 сажен.

Сочинен сентября 29 дня 1781 г.». Далее идет «изъяснение улиц»:

А — значит три улицы, из которых каждая по десять сажен;

Б — четыре улицы по 4 сажен;

С — две по 6 сажен;

Д — место для площади;

Е — прежде бывший город;

Ф — батарея.

Наличие плана может свидетельствовать, что велась определенная работа по подготовке приема шведских переселенцев, но до конца она не была доведена.

Другая карта (рис. 2), относящаяся к шведским колонистам, хранится в РГИА³⁰ и представляет собой «План Новороссийской губернии Херсонского уезда казенной деревни шведской колонии под коею состоит удобной земли 6800, не удобной 700, да в части острова Каирского под литерою А принадлежащей шведской колонии и городу Бериславу считается удобной 500, неудобной 430 десятин.

Масштаб к плану в дюйм 2 ½ версты».

Несколько позднее сведения о шведской колонии представлены в рапортах надворного советника Самуила Контениуса, направленных 26 декабря 1798 г. и 27 января 1800 г. в Экспедицию Государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства³¹.

С целью более полного изложения материала автор статьи представляет рапорты близко к тексту оригинала, опуская некоторые сведения, касающиеся колонистов из Данцига и денежных расчетов.

С. Контениус прибыл в шведскую колонию 13 ноября и сразу приступил «к обозрению и исследованию хозяйственного ее состояния в сходство с данной инструкции». По его сведению, колония состояла из 74 мужских и 74 женских душ, всего 148 шведских крестьян и 9 душ пленных шведов, 28 мужских и 24 женских душ, всего 52 данцигских колонистов. В рапорте сказано, что, по показанию Казенной палаты, число шведских крестьян во время переселения их в 1781 г. по Высочайшему повелению с Эстляндского острова Даго составляло 904 обоего пола душ, из которых в живых ныне 148 душ (по объявлению поручика Гете, находившегося у препровождения сюда за переводчика, число составляло 966 душ). 756 душ умерли в дороге, на месте от болезней, перемены климата и необыкновенной пищи, частично от неимения домов и недостатка других необходимых потребностей жизни.

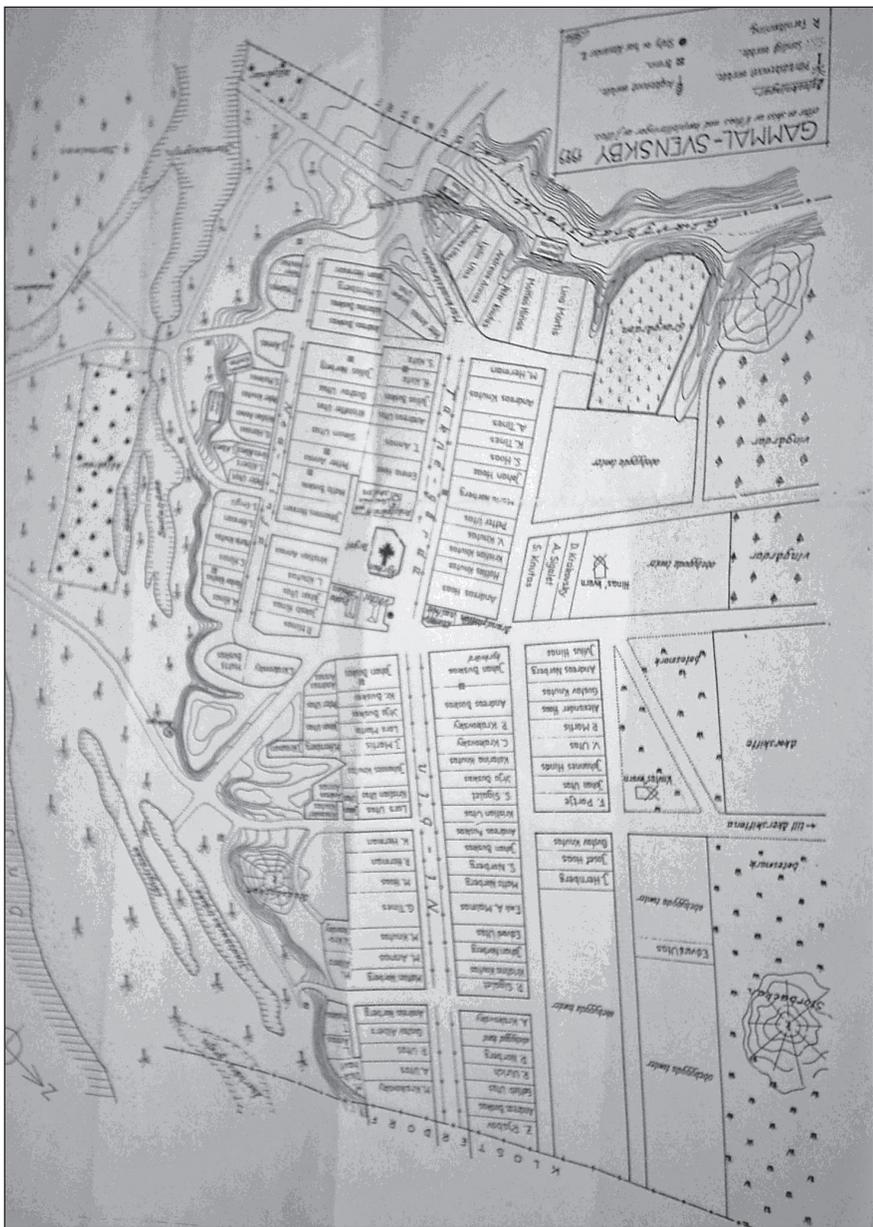

Рис. 1. План Новороссийской губ. Херсонского уезда.

Далее читаем: «число отправленных сюда в 1790 г. по повелению князя Потёмкина Таврического к поселению пленных шведов, объявивших желание остаться в российском подданстве при их прибытии, было 31 человек, из которых на жительство осталось 4 человека, двое из них женились на здешних колонистках, остальные 27 часть умерли, часть ушли. С 1787 и 1788 гг., по указанию Казённой палаты, прибыло 67 мужских и 88 женских данцигских колонистов».

По пунктам 4 и 8 инструкции С. Контениус изучал:

— какие суммы истрачены на поселение иностранных колоний в Новороссийской губернии;

— когда и какими частями должны возвратить в казну;

— какие даны льготы;

— какие подати или поземельные деньги должны оплатить.

Мы приведем данные, касающиеся только шведских колонистов.

На поселение 904 душ шведских крестьян с острова Даго, на провиант, на постройку домов, на покупку скота, земледельческие орудия и домашней посуды употреблено, по исчислению Казенной палаты, 19 622 руб. 693/4 коп., 31 шведскому пленному выдано из казны 352 руб. 11/4 копеек. Контениус обращается к Экспедиции с предложением распределить указанную долговую ссуду к возврату в казну по наличному числу душ, «из коих первое состоит из 74 мужских душ, последнее из 4 душ мужского пола, но возвратить в казну указанную выше сумму они не в силах».

По показанию Казенной палаты бывшей Новороссийской губернской канцелярии шведские крестьяне обложены поземельными деньгами по 75 коп. в год с души, сверх того податным хлебного по 30 коп., по содержанию подъемных лошадей по 26 коп. с души. Но этих денег никто пока не платил.

Далее Контениус задает вопрос: какие приведены сей податью основания? — и отвечает: о сем Палата сведений не имеет.

Следующий вопрос: на каком основании и условиях переведены сюда шведские крестьяне и издержаны на них из казны денежные суммы? С возвратом или без возврата? Ответ: Палата также объясняет, что никаких сведений нет. Да и сами колонисты ничего подлинного не знают.

Все денежные дела с данцигскими колонистами вел уже покойный губернатор генерал-майор Синельников, а позднее к гражданскому губернатору И.Я. Селецкому неоднократно обращались относительно формального межевания этой колонии, в сентябре оно начато, но из-за «прикосновения» земель города Береслава не окончено. С. Контениус начал

ускорять это дело, но сомневался, что к концу года будет закончено. По причине необходимости ехать исполнять свои обязанности в Крыму, он должен был покинуть шведскую колонию, так и не выяснив вопроса об исполнении обязанностей по оплате колонистами государственного долга. Но, как видно из ответов на вопросы, в финансовых делах в администрации была полная неясность.

Другой рапорт С. Контениуса, направленный в Санкт-Петербург, имел следующее заглавие: «Описание хозяйственного обзаведения и сельского домоводства поселенной при городе Береславе шведской колонии, состоящей из 22 семейств шведских крестьян, 2 семейств пленных шведов и 14 семейств данцигских колонистов». После исторической справки о колонистах и их переселении, о чем он докладывал уже в первом рапорте, следует подробное описание их экономической жизни. Приводим текст рапорта: *«Вышеупомянутые шведские и данцигские колонисты в числе 38 семейств и 209 обоего пола живут вместе в одной деревне Шведской Слободю называемой, состоящей в Херсонском уезде на правом берегу Днепра расстоянием в 82 верстах от уездного города Херсон и 281 губернского города Новороссийска. Назначенной под сию колонию земля считается удобной 6800, неудобною 700 десятин. Сверх того оная колония владеет участком земли общей с городом Береславом на Капреном о-ве, лежащим между реками Днепром и Коненою, в коем удобной земли 500 и неудобной 420 десятин. По обеим сторонам Днепра находятся пространные поемные места Плавнями здесь называемые, из которых получают с избытком сено, тростник, вербу, лозу и хворост.*

О качестве земли

Почва земли от 3 до 4 футов состоит из сухого чернозема, далее в глубину из белой весьма твердой земли, которую при копании рубить должно, ибо лопата в нее не входит, от 20 до 30 саженой глубины находится иде (?) по влажности.

О хлебопашестве и их трудолюбии

В первые годы прибытия своем трудолюбивые шведские крестьяне обрабатывали землю по обычаю прежнего своего жительства, но нашед оной с здешним климатом несовместимым начали оную пахать по здешнему обычаю. Для подъема целины в российскую соху запрягают они по 5–6 пар волов, поднятую же пахут 3–4 парами. Озимый хлеб сеют они в августе месяце, а за бездождем и позднее, яровой же в начале апреля. Данцигские колонисты по большей части пахут лошадьми и к земледелию не так рачительны как шведы.

О составе хлеба

Они веют рожь, яровую пшеницу, ячмень, овес, лен, просо, дыни, арбузы. Горох и гречиху здесь не сеют, ибо они, по объяснению колонистов, здесь не растут.

Об урожае хлеба

В более или менее дождливые годы родится здесь хлеб лучше или хуже, во время урожая дает от 6 до 10(?) зерна, но как здесь большею частью случается бездождье, так что не редко одни только семена получают, а чаще оных лишаются, в 10-летнее время случились только две плодородные жатвы, в прочее время колонисты к посеву или пропитанию своему хлеб по большей части покупают. Осимый хлеб здесь лучше ярового родится, которому последнему в сухие годы суслики великой вред делают.

О пастбе и сенокосе

В колонии имеют в изобилии пастбища для рогатого скота: когда в сухое лето на степи оной нет, то гоняют скот на плавни на Днепр, где трава растет до самой зимы. Хозяева, не наблюдающие недостатка в работниках, ежегодно ставят от 3 до 4 скирд одна 24 саженой окружностью и 7 вышиной. Излишнее от домашнего употребления сено они продают от 15 до 20 руб. за скирду.

О скотоводстве

Поелику в здешнем крае от земледелия дальней выгоды получить не можно, то сии колонисты, а наиболее шведские крестьяне занимаются скотоводством с пользою. Овцеводство их не велико, лошадей же разводят они только для своего собственного употребления, а не на продажу.

Об огородных растениях

Садоводством сии колонисты совсем не занимаются. По их мнению, огородные растения, не взирая на все старания, на здешней земле не растут. Как в первые годы по их поселении в разведении капусты, картофеля, репы и проч. они никакого не имели успеха, то ныне никакой зелени и корнеьев более не сеют.

Где они продают свои продукты

Земледелие редко дает здесь достаточный хлеб к безбедному проживанию, а того еще меньше излишней на продажу. Рогатый скот, который колонисты разводят, и малое число овец продают они в 12 верстах отсюда в городе Береславле.

Об их промыслах

Сверх земледелия и скотоводства занимаются особливо шведские крестьяне рыбною ловлей по р. Днепру, где во множестве ловят следующие

рыбы: щуки, карпы, сомы, лини, леици и окуни, которую они частично сушат, частично солят, продают или на муку променивают.

Об их обстроении домами.

Сии колонисты живут в деревянных казенным иждивением для них построенных домах. Многие шведские крестьяне возле своих дворов построили себе сарай и для скота каменные хлевы; некоторые же из них начали дворы свои обносить каменными стенами. Сверх 38 жилых домов находятся в колонии ещё 20 дворов пустых оставшихся от умерших семейств, из которых 11 уже совсем развалились.

Об их доходах

Шведские крестьяне, из коих большая часть приобретают здесь сверх нужного пропитания еще некоторое излишество от продажи рогатого скота из своих собственных стад, на сушеной и соленой рыбы и чрез то собирают посредственное имущество. Между данцигскими колонистами находятся только двое достаточных и прилежных к домоводству хозяев. Прочие же в хозяйстве лентяи и нерадивы. Вместо рыбной ловли, от которой они могли приобретать пользу, как шведские крестьяне, они рубят дрова в плавнях и отвозят в Берислав на продажу.

О доходах сей колонии

В нынешнем году доходы в колонии простираются до 449 руб. 50 коп.

За откуп питейного платят колонии 250 руб.

За пастьбу 220 волов и коров по 25 коп. за каждую 55 руб.

За пастьбу 80 лошадей по 35 коп. за каждую 28 руб.

Двое посторонних рыбаков за свободное рыболовство платят 19 руб.

Итого 449 руб. 50 коп.

Из сих доходов, которые не всякий год одинаков бывает, производит колония плату писарю, сотенному и десятнику и сверх того употребляет часть оных на некоторые по земской надобности; остальные деньги обществу разделяет между собой на равные части.

В сей колонии 27 семейств исповедывают лютеранскую и 11 католическую веру, в воскресные дни лютеране собираются на молитву в доме, выстроенном для пастора, который, прожив здесь несколько лет, оставил колонию. Определенный в лютеранской колонии пастор ежегодно однажды сюда приезжает для совершения службы и причащению святых тайн и для обручения пожелавших выступить в законный брак. Обряды крещения совершает бывший до сего пономарь. Католики на богослужения выезжают в Херсон.

В первые годы поселения шведские крестьяне жили в землянках, одержимы были болезнями и во множестве умирали. Ныне же жительствующие в

пристойных домах, привыкли к здешнему климату, здоровы, рачительны и редко бывают подвержены болезням, исключая здешних продолжительных лихорадок. Шведские крестьяне в хорошем, а данцигские колонисты, исключая двух хозяев, за леностью и невоздержании в худом находятся состоянии.

Самуил Контениус

Шведская колония

Ноября 21 дня 1798 года».

Согласно приведенному выше рапорту, который Контениус направил в столицу, шведских колонистов с острова Дагё, прибывших в 1781 г. в числе 904 душ, было на лицо 28 семей, мужчин 74, женщин 74, у которых насчитывалось 66 лошадей, 545 рогатого скота, 621 овца, 109 свиней, из сельскохозяйственных орудий: повозки — 64, плуги — 13, бороны — 28, проживали они в 22 домах из рубленных полубревен.

Из числа прибывших в 1790 г. 31 пленного шведа было на лицо 2 семьи, 4 мужчин и 5 женщин, 2 лошади, 11 рогатого скота, 5 овец, 4 свиньи, 2 повозки, 1 борона, жили они в 2-х домах, 9 было пустых, 11 развалившихся.

Из числа прибывших в 1787 и 1788 гг. 155 душ данцигских колонистов на лицо было 14 семей, 28 мужчин и 24 женщины, 19 лошадей, 80 рогатого скота, 4 овцы, 13 свиней, повозок — 14, бороны — 8, жили они в 13 рубленных из полубревен домах.

Итак, к концу XVIII в. в Старошведской колонии проживало, по данным надворного советника С. Контениуса, 38 семей и 209 душ обоего пола.

11 января 1799 г. в Санкт-Петербурге на заседании Экспедиции Государственных хозяйств опекунства иностранных и сельских домоводств был заслушан рапорт С. Контениуса о шведской колонии и приобщен к «прочим таковым полученным от него сообщениям для соображения при общем рассуждении о Новороссийских поселенцах».

Другим интересным источником, раскрывающим состояние дел в шведской колонии, являются дела по Департаменту духовных дел иностранных исповеданий, хранящиеся в РГИА. Среди документов этого департамента имеются сводные таблицы за различные годы под названием «Табель о приходе и священнике евангелического вероисповедания в Иозефстальских колониях Ведомства Екатеринославской конторы иностранных поселенцев», в которых представлено количество дворов, хозяев, работников, детей Шведского округа, который до 1860 г. входил в Иозефстальский приход.

Приведем несколько примеров, касающихся Старошведской деревни

1) В 1829–1830 гг. число дворов — 31, число хозяев — 31, число жителей: 116 мужчин, 105 женщин, 99 работников³². Имеется деревянная церковь 9Ч4 сажен, построена в 1803 г., в хорошем положении³³.

2) В 1839 г. число дворов — 36, число хозяев — 36, число жителей: 122 мужчин, 118 женщин, 117 работников. Деревянная церковь, каменный фундамент, священник Иозеф Лоренц, получает 200 руб., продукты³⁴.

3) В 1841 г. число дворов — 38, число хозяев — 38, число жителей: 130 мужчин, 123 женщины, 167 работников. Деревянная церковь на каменном фундаменте в хорошем состоянии³⁵.

Таким образом, за 10 лет население шведской деревни выросло, в деревне была церковь, но все четыре деревни, где жило население лютеранского вероисповедания, входили в Иозефстальский приход, расположенный в 250 верстах от Шведского округа, и пастор посещал их один раз в год.

В указанных выше табелях можно получить сведения и о школьном образовании в шведской колонии.

Приведем два примера.

В 1829 г. в Старошведской деревне проживало детей от 7 до 15 лет — 23 мальчика и 33 девочки, учащихся детей — 11 мальчиков и 17 девочек. Обучение проходило в домах учителей или колонистов. Детей обучали чтению, письму, арифметике, Закону Божьему, занятия проходили с 1 ноября по 1 апреля. В Старошведской деревне учителем был колонист Мац Мангельсон, которому было 83 года, женат, получал в год 31 руб.³⁶

В 1839 г. в Старошведской деревне детей от 7 до 15 лет — 29 мальчиков, 27 девочек, учащихся детей — 18 мальчиков и 17 девочек. Учились в доме колониста Кристьяна Мацсона, 47 лет, женат, жалование 40 руб. в год. Занятия проводились с 1 ноября по 1 апреля, обучались священному писанию, чтению и письму³⁷.

Табели о приходах составлялись каждый год. В 1904 и 1905 гг. в Табеле, составленном на немецком языке, указано, что в Старошведском Евангелическом Лютеранском приходе имеются 2 церкви, обе каменные, одна — в Шлангендорфе-Мюльхаузене на 450 человек, строилась с 1881 по 1887 гг., вторая — в Старошведской деревне на 300 человек и построена с 1882 по 1885 гг. Всего в приходе 2 686 человек, включая все небольшие хутора и деревни в Херсонском уезде. Из них немцев 2 036, шведов 650 чел. В шведской церкви служба проходила 54 раза в год на шведском языке, оплата пастора составляла 240 руб. в год. В Старошведской деревне имелась приходская школа на 93 ученика, в ней на 2 класса отводилось 10 часов в неделю на

религию и 10 часов на 2 класса на родной шведский язык. Преподавались и другие дисциплины. С 1898 г. в Старошведской деревне развернуло деятельность Женское общество (Ein Frauenverein)³⁸.

Небезынтересно было познакомиться с материалами, касающимися создания самостоятельного для шведов и немцев прихода Альтшведендорф. По документам, хранящимся в РГИА в деле под названием «По отношению Господина Министра Внутренних дел об учреждении в колонии Шлангендорфа прихода», видно, что переписка между ведомствами — Министерством Государственных имуществ, Министерством Внутренних дел и Евангелической Лютеранской Генеральной Консistorией в Санкт-Петербурге — велась с 2 июня 1852 г. по 23 ноября 1859 г. В деле сказано, что во время визита чиновника из Санкт-Петербурга, суперинтенданта, в Старошведскую колонию жители шведской деревни подали ему прошение об учреждении у них прихода и обязались от себя содержать проповедника, поскольку «духовное их призрение весьма недостаточно». При рассмотрении этого дела представителями власти обсуждались самые разнообразные вопросы: строительство церкви, оплата пастора и др. Немецко-шведский приход Альтшведендорф был утвержден в 1860 г. и охватывал Днепровский уезд Таврической губернии и Херсонский уезд Херсонской губернии³⁹.

Надо сказать, что в работах шведских историков подчеркивалось, что шведские крестьяне на протяжении всех веков проживания изолированно от родины, как в Эстонии, так и в России боролись за свою свободу, сохранение шведского языка. И это им удалось сделать. Во второй половине XIX в. они могли посещать церковь, построенную в их колонии, где служба проходила на шведском языке. Старошведская деревня была окружена тремя селениями, где проживали немецкие колонисты, которые склоняли их не бороться за шведскую школу, а предлагали, чтобы их дети посещали немецкую школу. Но шведы упорно противились этому и добились своего. Они сохраняли свою культуру. Вследствие малочисленности российских источников мы можем познакомиться с повседневной жизнью шведов только по заметкам А.С. Афанасьева-Чужбинского⁴⁰. Приведем отрывок из его книги о посещении шведской колонии, который поможет дополнить сухие архивные данные и воссоздать приблизительную картину жизни этой малочисленной этнической группы в середине XIX в. (Стиль автора сохранен, орфография по возможности приведена в соответствии с современными правилами.)

«Опишу преимущественно так называемую Старо-шведскую колонию. Шведы вообще народ добрый, в каждом колонисте видите вы стремление

к образованию. Когда я обжился между ними и свел знакомства, однажды неожиданно получаю от них прошение. <...> Из прошения, которое, конечно, я прочел, видно, что они просят исходатайствовать им шведского учителя. Бедняки все-таки желают сохранить свою народность. Немцы, которых три деревни, стараются всеми силами их онемечить, но шведы не поддаются. Напрасно обер-шульц, из немцев, старается убеждать их учиться по-немецки, шведы стоят за свою народность. Они учатся по-русски, многие говорят и по-немецки, но при малейшей возможности нанимают хоть какого-нибудь заезжего шведа. Соседний пастор немец служит им обедню, однако у них духовные книги шведские, и между собою жители иначе не говорят как по-шведски. Они того мнения, весьма впрочем, справедливого, что, живя в России, приличнее знать русский язык, чем немецкий, а если иные знают последний, то единственно для облегчения сношений с соседями. Шведы ходят в так называемом мещанском костюме — в чуйках или длиннополых сюртуках, а женщины вообще в ситцевых платьях самого простого покроя. Последние исполняют все мужские работы, девушки же ездят верхом по-мужски, ловко управляя лошадьми.

Между шведами встречается довольно охотников, которые преимущественно ведут войну с волками, но стреляют также и дичь, водящуюся здесь в изобилии. Над Днепром при начале колонии тоже есть городище, по канавам и раскопанным валам которого валяется множество камней и битой глиняной посуды. Между шведской колонией и Клостердорф по берегу, усеянному огромными камнями, есть одна скала, о которой рассказывают легенду: будто бы еще очень недавно на один плоский черный камень вылезла огромная змея, которая хватала ягнят. Змея эта имела необыкновенно страшный вид и была ужасом жителей. Никто, однако же, не видел ее собственными глазами.

Особенных обрядов и обычаев я не заметил, может, потому, что не представилось случая, но, сколько могу судить, шведы народ добрый и между соседями у них царствует добродушная патриархальность. Колонисты необыкновенно скромны, так что я ни разу не слышал никакой ссоры. Воровство здесь неизвестно. Помню, однажды ездил я в Блажкову с мальчиком из Клостердорфа, брал с собой английскую выдвигную удочку. Проводник мой прельстился красивой, по его мнению, палкой и похитил ее без церемонии. Когда, возвратясь, я осмотрелся, что нет удочки, и сказал об этом своему хозяину шведу, он пришел в такой ужас, как будто бы совершилось самое страшное преступление. Через час вся колония знала о пропаже удочки, и хозяин мой торжественно отправился в Клостердорф

истребовать вещь своего постояльца. Немецкая колония смутилась, в свою очередь, и ко мне пришла депутация просить прощения. Вообще это была такая неприятная сцена, что если бы я предвидел ее, то охотно оставил бы удочку, хотя орудие это летом для меня почти необходимо. Много мне стоило труда уговорить местные власти не наказывать мальчика, но более всех имел я затруднения со шведами, которые огорчались, что вор опозорил весь округ. Честность у этого народа изумительная, так что в этом отношении шведы отличаются от соседних немецких колонистов. Известна дороговизна съестных припасов в Херсонской (одной из хлебородных) губернии. Мне каждый день предстояло иметь дело со шведами и шведками, покупая необходимое, и всегда колонисты эти затруднялись назначать цену, в том убеждении, что хотя в Бериславе и платят за все дорого, но в колонии вещь того не стоит.

“Уж лучше сами назначьте”, — говорили мне иные.

Но я не мог согласиться на подобное предложение, и потому часто происходили самые щекотливые сцены. Случалось, за молоко не хотели совсем брать деньги, и мне должно было убеждать добряков, что я не гость их и обязан платить за свое продовольствие, и что, наконец, всякий продукт и для них самих стоит денег.

Шведы более других терпят притеснения от откупа, который везде простирает свое могучее влияние. У шведов в обычае варить хлебный квас, довольно приятного вкуса и цветом похожий на пиво. Каждый колонист, прежде других приготовивший этот напиток, охотно уделяет его соседу, извлекая из этого свою выгоду. Весною нынешнего года хозяин мой сварил бочку квасу и поставил ее в лед. Откупщик придрался, что это пиво, запечатал бочку, и две недели, которые я прожил в колонии и окрестности, еще не было разрешения, да и хозяин мой боялся подвергнуться ответственности на том основании, что откуп силен. А дело, кажется, очень ясно: пиво всегда можно отличить от квасу. Честный швед был возмущен поступком откупщика и просил моего содействия, но к чему послужило бы ходатайство человека нечиновного и даже не служащего? Я советовал ему обратиться к своему начальству, но ведь для этого надобно далеко ехать в рабочую пору.

В шведской колонии довольно садов, особенно на старой улице, которую, впрочем, теперь раздвигают, и я не знаю, уцелеют ли прекрасные плодовые деревья. Образ хозяйства, упряжь, повозки, плуги и прочие земледельческие орудия — все здесь немецкое. В избах по возможности соблюдается опрятность. Живут колонисты порядочно, два раза в день варят сытную пищу,

в которой главную роль играет рыба, но я не заметил употребление кофе. Впрочем, у некоторых есть самовары. Масло приготавливают очень хорошее и пекут вкусные хлебы. Шведы любят потолковать и более или менее развиты, насколько развитие доступно в быту грамотного крестьянина. Есть из них искусные ремесленники, в особенности кузнецы и плотники, занимающиеся izdeliem фургонов: фургон шведской работы ценится, как кичкасовский, и надо отдать справедливость — экипажи эти делаются чрезвычайно прочно и добросовестно.

Мне чрезвычайно нравилась простота правил этого народа, и я в шведскую колонию ехал всегда с большим удовольствием, уверенный наперед в самом искреннем приеме. Шведы весело отправлялись со мною на охоту и на рыбную ловлю, и не было сколь-нибудь замечательного места, куда бы меня не водили и не рассказывали всего, что по их мнению могло быть занимательным».

Сразу после провозглашения Манифеста от 19 февраля 1861 г. об отмене в России крепостного права правительство приступило к изменению «Устава о колониях». 18 января 1866 г. было утверждено мнение Государственного Совета о преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче их в ведение общих губернских и уездных, а также местным по крестьянским делам учреждениям. В этом документе указывалось, что полное, по возможности, объединение колонистов с крестьянами-собственниками как по правам личным и по состоянию, так и по землепользованию, общественному управлению и суду не препятствует дальнейшему хозяйственному преуспеванию колонистов. В проекте комиссии избегали термин «колонисты», заменив его словом «поселяне» как более соответствующим цели правительства слить все сельские сословия в одно⁴¹. В 1867 г. при Министерстве Государственных имуществ была создана временная комиссия, в которую входили представители МВД и Министерства Юстиции. Работа этой комиссии отражалась в Журнале комиссии об устройстве общественного управления иностранных поселян. В этом Журнале на протяжении нескольких лет обсуждался вопрос о колонистах-поселянах во всех российских губерниях, включая историю их создания, сохранения льгот, площади земельных угодий. Не обошли вниманием и Старошведский округ Херсонской губернии. В Журнале от 28 января 1869 г. была представлена история колонизации Новороссийского края и Бессарабской области. Что же касается шведов с острова Дагё, то была изложена история их поселения с упоминанием деятельности князя Потемкина, представлена история разрастания колонии. Шведский округ был охарактеризован как колония,

наделенная землей вначале на число душ, позднее как пользующаяся землей подворно с наследованием участков⁴². В 1871 г. было опубликовано Положение о поселянах-собственниках (колонистах), в котором российское правительство уравнивало права сословия колонистов с правами российских крестьян. Шведские крестьяне-колонисты на украинской земле в конце XVIII в. решили быть независимыми. Но, будучи подданными российского государства, уже в то время рассматривались властями как иноземные колонисты, и им представлялись те же условия и льготы, как и другим иноземным крестьянам, в том числе немцам. После 1871 г. шведские крестьяне стали поселянами-собственниками, получив те же права, что и окружавшие их крестьяне Украины.

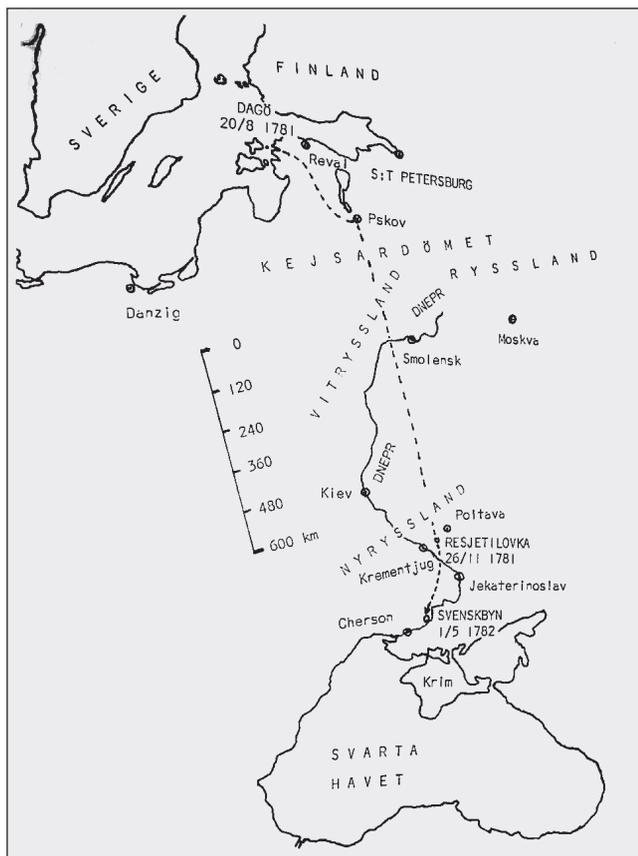

Рис. 3. План Старошведской деревни. Нач. XX в.

Шведские ученые в работах, посвященных истории шведов в Украине, отмечают экономический и культурный подъем в последние десятилетия XIX в. К концу XIX в. Старошведская деревня представляла собой благоустроенный населенный пункт. Об этом свидетельствует план деревни начала XX в., полученный автором статьи от жительницы деревни Анны Аннас в 2006 г. (рис. 3). Расцвет шведской колонии продолжался до начала Первой мировой войны. В архивном документе от 1915 г. «О ходе ликвидации немецких землевладельцев» встречаем документ о

шведских поселянах села Старошведское Херсонской губернии. Дело в том, что в период Первой мировой войны в связи с военными действиями около западных границ России русское правительство издает закон об ограничении и лишении землевладения в России иностранцев из воюющих держав, под которых попадали и поселяне, преимущественно немецкой национальности, состоявшие в российском подданстве.

27 января 1915 г. от общества поселян села Старошведское, Старошведской волости Херсонской губернии и уезда было направлено прошение на имя Министра Внутренних дел⁴³. В прошении сказано, что основано село Шведское, позднее Старошведское, по велению Екатерины II от 1781 г., в 1787 г. поселяне водворились на отведенные им земли на 105 дворов по 60 десятин на двор. 31 августа того же года за № 40560 из Новороссийского Губернского правления Херсонского уезда шведской колонии была выдана выпись на владение землей, а 28 июня 1800 г. из Новороссийской межевой конторы выдана межевая книга. С тех пор они владели землей «бесспорно и спокойно». Далее читаем, что позднее в село Шведское были присланы немцы, которые по соседству основали три колонии, существующие по 1915 г. Шведы в послании высказывали беспокойство относительно слухов об изъятии земли из владения выходцев из Германии. Они пишут: «Мы не немцы, как соседи наши, а шведы, ничего общего не имеющие с нынешним врагом нашей дорогой матушки Руси, приотившей нас более века тому назад», и далее они просят разъяснить, будут ли отнимать у них землю. Под этим прошением стояли 33 подписи жителей Старошведской деревни (имена и фамилии приведены в соответствии с источником и сгруппированы по фамилиям):

Иосим, Иоганн, Христиан, Петр из семьи Кнутас
Андрей из семьи Гоас
Андрей, Иван, Семен из семьи Норберг
Симон из семьи Альбериц (Амберс)
Матвей из семьи Кнутсон
Андрей, Андрей из семьи Мальмас
Иоганн, Ёранг, Генрих, Эдуард, Петр, Христиан, Петер из семьи Утас
Влас, Семен из семьи Густов
Христиан, Яков, Семен из семьи Гинас
Ионас, Июгаен из семьи Герман
Иван, Андрей из семьи Бускас
Генрих, Симон из семьи Котц,
Петер, Матвей из семьи Аннас,
Семен из семьи Сигалет.

В результате полугодовой переписки между ведомствами 19 августа 1915 г. от Херсонского губернатора в отдел общих дел Министерства Внутренних дел было направлено отношение с извещением, что «поселяне, владеющие наделенной землей, как и прочие колонисты Старошведской волости Херсонского уезда, не внесены в особые именные списки лиц, на коих распространяется действующий закон от 2 февраля 1915 г.».

Итак, шведы-поселяне от указанного выше закона не пострадали, но в результате событий 1917 г. и в последующие годы жизнь шведских крестьян-колонистов изменилась не в лучшую сторону.

¹ Loit F., Tiberg N. Gammalsvenskbydokument. Uppsala, 1958.

² Lingegård J. Livet i Gammalsvenskby. Svenskbybornas mattraditioner, seder och bruk. LTs förlag-Stockholm, 1981.

³ Hoas., Kotz G. Svenskbyborna. 60 år i Sverige. 1928–1989. Bokförlaget Hanseproduktion AB. Visby, 1989.

⁴ Hedman J. Svenskbyläkter. Ödins Förlag Visby, 1994.

⁵ Hedman J., Åhlander L. Historien om Gammalsvenskby och svenskarna i Ukraina. Dialogs Förlag-Stockholm, 2003.

⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Херсонской губернии. А. Шмидт. СПб., 1863б. С. 351–352.

⁷ Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. Ч. I. Очерки Днепра. СПб., 1863.

⁸ Писаревский А. Переселение Шведов с острова Даго в Новороссийский край // Русский Вестник. 1899.

⁹ Лойт А. Переселение шведов Эстонии на Украину в конце XVIII в. // Сб. ст. Вып. XXXII. Таллинн-Ээсти-Раамсат, 1988. С. 104–116.

¹⁰ Орлова З.С., Ратнер И.Д. Из истории заселения Херсонщины: Краткий справочник. Херсон, 1993. С. 43.

¹¹ История городов и сел Украинской ССР, Херсонская область. Киев, 1983. С. 228.

¹² Шрадер Т.А. О шведах колонистах в России // Тезисы докладов XV Конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Москва, 23–26 июня 2004 г. Ч. I. С. 134–136; Шведские и норвежские колонисты в России (XIX – начало XX веков) // IX Невские чтения: Материалы междунар. научно-практической конф. «Центральная и Восточная Европа: история, современное состояние и перспективы развития региона». 18–20 апреля 2007 г. СПб. С. 64–67.

¹³ Государственный Архив Одесской области. Ф. 6. Оп. 1. Попечительский Комитет об иностранных поселенцах Южного края России, 1799–1876. Аннотированная опись дел. Одесса, 2002.

¹⁴ Российский Государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 384. Оп. 29. Д. 166.

- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГИА. 1870. Ф. 1181. Т. XV. Оп. 1.
- ¹⁷ РГИА. 1829. Ф. 821. Оп. 124.
- ¹⁸ РГИА. 1870. Ф. 1181. Т. XV. Оп. 1.
- ¹⁹ РГИА. 1870–1878. Ф. 1181. Оп. 1. № 716. 1870. Ч. II.
- ²⁰ РГИА. 1915. Ф. 1284. Оп. 190.
- ²¹ Hedman J., Åhlander L. Historien om Gammalsvenskby... S. 11–12.
- ²² Ivars A.-M. Vad säger dialekterne om bebyggelsehistorien. När kom svenskarna till Finland? Red. A.M. Ivars, L. Hulden. Svensk litteratürsällskapet i Finland. Helsingfors, 2002. S. 84, 85, 90.
- ²³ Hedman J., Åhlander. Historia om Gammalsvenskby... S. 13.
- ²⁴ Шрадер Т.А. Рунические резные календари в коллекции МАЭ // Материалы итоговой научной конференции МАЭ РАН, посвящ. 285-летию Кунсткамеры. СПб., 2000. С. 98–106.
- ²⁵ Hedman J., Åhlander L. Historia om Gammalsvenskby... S. 15.
- ²⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 14. Л. 133–136.
- ²⁷ Hedman J., Åhlander L. Historia om Gammalsvenskby... S. 17–29.
- ²⁸ Писаревский Г. Переселение Шведов с острова Даго... С. 246–252.
- ²⁹ Hedman J. Svensbyläkter.....S. 229.
- ³⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 166. Л. 13 об.
- ³¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 166. Л. 1–16.
- ³² РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 14. Л. 133–136.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 18–19.
- ³⁵ Там же. Оп. 6. Д. 2. Л. 74–77.
- ³⁶ Там же. Оп. 1. Д. 14. Л. 205–206.
- ³⁷ Там же. Оп. 1. Д. 19. Л. 20–21.
- ³⁸ РГИА. Ф. 828. Оп. 13. Д. 612. Л. 483–485.
- ³⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 6. Д. 28. Л. 3.
- ⁴⁰ Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию... С. 258–262.
- ⁴¹ РГИА. 1870. Ф. 1181. Оп. 1. Д. 716. Л. 24.
- ⁴² Там же. Л. 217, 224.
- ⁴³ РГИА. 1915. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 310. Л. 46–47.